

Людмила Сурова

«А ну-ка, матушка, встань с колен!»
(Церковная и общественная среда как формирующая сила)

Тезисы выступления на Рождественских чтениях.
Москва 2009 г.

Общественная жизнь в современной России находится, во-видимому, в коллаптическом состоянии. Кризисная ситуация наблюдается не столько в экономике, сколько в общественном сознании народа. **Угнетен дух народа.** Как следствие оказались угнетены, а частью просто отринуты традиционные идеалы русской духовной культуры и русского самосознания. Допущено кощунственное пересматривание, а точнее, «перетряхивание» истории, высмеивание героического прошлого страны, замалчивание наших великих достижений в науке, в искусстве, в социальном строительстве, в создании реального единства, братства народов, о котором еще помнят участники и ветераны Великой Отечественной войны.

Это угнетение духа - явление болезненное, это не органический и даже не революционный процесс обновления общества, это - **самоотречение, духовное самоубийство, в которое впал народ.** И люди, чувствующие душу народа, лучшие из пастырей, писателей, художников, артистов, которые живут одной с ним жизнью, не могут не страдать этой всепокрывающей болью народного отступничества, предания себя. Народная артистка России Татьяна Петрова в одной из своих замечательных песен поет: «А ну-ка, матушка встань с колен, надо сделать к спасению шаг».

Это реальный призыв духовно чуткого человека, артиста, поющего за весь народ, который оказался как в летаргическом сне, **поражен духовным нечувствием.** Результат ли это социального шока или преступной по отношению к себе расслабленности, или всегдашняя «помощь» врага рода человеческого?! Не время сейчас оглядываться назад – время – смотреть вперед, чтобы «сделать к спасению шаг».

Оздоровление общественной среды, которая сейчас является полем массового растления, не может произойти само без нашего

участия и без наших трудов. Пассивность и бездействие наше уже совершили тектонические разрушения в стране и во внутреннем пространстве личности человека.

Как-то незаметно масса сдала свои позиции, люди отвернулись от того, что составляло смысл и дело их жизни, перестали защищать то, что любят и чем дорожат. Вдруг перестали дорожить дорогим, да как-то все сразу. А на противников, особенно из своих, набрасывались, как на провокаторов.

Почему? И вообще, как это все могло произойти?

Общественная среда - **не то**, что мы видим на экранах телевизоров, слышим по радио, с трибун, или, наоборот, из подземных переходов, с углов улиц... Мы ощущаем ее как некую **неотвратимую данность и заданность** этого времени и места, как малый закон самого нашего исторического бытия, как устремленность общественной мысли, как тенденцию движения основных сил общества, создающих его внутреннюю структуру.

Общественная среда – это невидимое поле тяготения массового сознания, которое возникает, реагируя не столько на установки реально властвующих сил, сколько на внутренние идейные устремления и духовную доминанту правящих.

Вспомним, еще до деклараций, до явного обозначения приоритетов о новых тенденциях в обществе начали свидетельствовать самоцензура и ироничность, ерничество по отношению к имеющимся устоям. Вдруг многие, не только телеведущие, но просто люди сами стали понимать, что нужно говорить, как писать, где стоять, чтобы тебя «не смыло» новой волной, а чего вообще лучше не видеть. Это поистине феноменальная чуткость! Новые веяния еще никак себя не обнаружили, еще только формируются тенденции и идеи, а «делатели» уже готовы, слова нужные у них уже зреют, дела поспевают - и рвение их велико!

Среда рождается сама, но **из нас!** Что-то в душах людских слышит зарождение новых силовых линий, и «страха ради иудейска», откликается на них, и почти неосознанно начинает служить им. Чутьем распознают один другого - и вот уже силы центруются, направляются, и все как бы сами – и уже не точечные контакты проявили себя, но возникла **сеть** взаимодействия, **поле влияния - среда**. Воспринимается, точнее, впитывается она не умом, а всем существом человека. Противостоять ей может только дух.

Вот какова общественная среда, явление это тотальное по своей сути. Деться от нее некуда – **она тотально задает образ жизни**: тотально напрягает силы людей высокими примерами, призывая к подвигу, к трудам, заставляя учиться, расти, тотально воспитывает презрение к роскоши, излишествам, навязывая образцы бесребреннического служения, творческой самоотдачи. Но может среда и тотально развращать, учить быть расслабленным, доставлять себе удовольствие, учить любить себя во всех своих проявлениях.

В этой тотальности среды кроется тайна ее педагогического успеха. Среда не просто задает идеалы, не просто приучает к чему-то, она приучает **любить это что-то**, а противоположное, что не поддерживается - не любить, отторгать. Среда воспитывает не убеждения, а чувства и реально формирует личность, она воспринимается, впитывается не умом, а всем существом человека.

Тотальность среды рождает самую действенную укладную форму педагогики, которая не знает провалов, нужно только выиграть время, так как укладные формы крепнут со временем. Два, три поколения по семь лет – и у нас новое общество с новым **«люблю»!**

Но навязанный чуждый уклад, если он входит в противоречие с духом народа не может быть крепким. Незримо он отторгается и внутри сильного и внутри слабого народного организма. В иные времена иные народы восстают на вводимый новый порядок, не забыв еще своего имени и своей настоящей внутренней жизни, воюют за себя. Иные, как бы поддаются ему, ложатся до времени на «дно бытия», пока не подойдут новые силы, не встанут из земли сыны и не пробудят к жизни спящих отцов.

Вот что мы имеем сегодня. Можно не обманывать себя: жизнь наша - это не новая Россия, это - жизнь, которой в России никогда не было, никогда никто так не жил, народ любил другое.

И вот сегодня возникла общественная среда, которая обращена против самого же народа. **Феномен самоуничтожения.** Мы должны признать это. Как должны признать и сопротивление этому уничтожению, которое восстает, кажется, из самой земли, поднимается в поколении двадцатилетних – неумным протестом, жадной правды, смелостью, которую совсем, кажется, растеряли их отцы.

Эти стихийные силы молодости - залог нашего возрождения. Но чтобы эти силы не были рассеяны, приручены и уничтожены атакующей их средой, все должны прийти к ним на помощь. Мятущийся, горящий справедливостью дух юности нельзя поставить под удар, нельзя дать угасить. Он должен быть воссоединен с Духом Божиим. Вот **педагогическая задача времени и христианской педагогики сегодня!**

Церковь флагман нашего спасения. Никто не будет отрицать этого. Она - душа мира, ее горячее, бьющееся любовью сердце, ее живая, говорящая в правде совесть. Церковью мир стоит, Церковь животворит общественную среду. Она – хранительница идеалов, которые живут в совести народа. Не всегда эти идеалы

декларируются как церковные, но следование им - залог праведной жизни. Угодны Богу герои труда и брани, ревнители чести и славы отечества, рыцари науки и воины слова.

Церковь сегодня должна осмыслить свою подвижническую роль в русском обществе - роль **сохранения человека как богоданной личности**, как духовной силы, которой вручена жизнь, как работника Божия!

Но в «убитом» обществе масса воспринимает Церковь как носительницу некоего нового мистического тоталитарного порядка. Народ, опускающийся в рабство, ищет и хочет тоталитарности Церкви и ждет от нее прямой указки. Не к свободной жизни по духу стремится развращенный раб, не к укреплению совести, не к росту любви и творческого сознания, а к дозволенной нормативности, которая **гарантировала бы душевный комфорт**. Именно этим душевным комфортом «сладко» рабство, лишаящее человека трудов и ошибок выбора, свободы и ответственности действий.

Предано дело свободы человека, его совести, его духа, а значит, предано дело Христово. И, стало быть, Церковь – верная Святая Невеста - должна встать на защиту человека.

Но сегодняшняя церковная среда, то есть взаимоотношения вне богослужения церковнослужителей и паствы, и просто пришедших в храм людей - также испытывает давление и проходит испытание на крепость, также как общество - искушается растлением. Педагогическая функция Церкви также угнетена, подавлена формальными знаниями и обрядовыми заботами.

Именно Церковь должна сказать сегодня стране «а ну-ка, матушка, встань с колен». Но все чаще слышим мы с амвона общие слова, мол, надо обратиться на себя, целиком заняться делом покаяния. Абсолютно не свойственный Православию момент рефлексии, внутреннего самосовершенствования вышел на первое место. Вся духовная радость Церкви, весть о Воскресении и будущей жизни, о искупленности человека, вот этого, каждого человека – радость эта обратилась на людей укорами и попреками, счетом их грехов. Церковь, прибежище душ человеческих, а порой походит на военное отделение «духовно-уголовного розыска».

Смешно... когда бы не было так грустно за молодых руководимых и руководящих. Но надо признать, что активные призывы к покорности, к непротивлению злу, «на все воля Божия» - реально ломает волю людей, и дало-таки некоторую возможность практического управления внутренней и внешней жизнью человека. Есть невольная вина Русской Церкви в том положении, в каком оказалась страна.

Надо подниматься с колен, возвращаться Святой Церкви к ее святым функциям в мире. Она должна протянуть руку человеку, а не рубить ее, протянуть руку тонущему и уже согласившемуся утонуть в нечистотах. И вот этому предавшему самого себя и продавшему родной край - Церковь должна дать хлеба и воды молитвы, согреть соборностью, обнять, чтобы он понял, что его любят, любит Бог.

Духовное нечувствие человека отступает перед духом правды, милости, мудрости, любви, но и крепости и стойкости в истине. Пробуждение духа происходит само, как только спадут путы лжи, дух сам воскресает в духовно свободной среде.

Православная воскресная школа сегодня, поистине может стать **школой нашего воскресения**. Биться за ребенка легче, чем за взрослого, беззащитность малого должна стать преградой нашим многочисленным компромиссам, соглашательствам, довед-

шим землю Русскую до позора и запустения. Бескомпромиссность и прямота сердца – это и завет нам от святейшего Патриарха Алексея II. Его выступление в Совете Европы и однозначный, не предполагающий перетолковываний ответ относительно половых свобод – как распущенности и болезни личности, и нас обязывает к дерзновению правого слова и дела, к дерзновению борьбы с развратом, поразившим страну как невиданная эпидемия духовно смертельной болезни.

Но не только физическое, половое здоровье человека заботит Церковь; нравственное здоровье понималось святыми всегда как правдивое состояние души. Ложь сегодня стала нормой русской жизни. И в делах, и в информации, и во множестве исследований, которые смеют себя называть научными, и в искусстве, которому предлагается петь заказные лживые песни, и в безжалостной клевете на тех, кто не сгибает спины и отваживается говорить правду – везде сегодня царствуют ложь, утайка, намеренная путаница, дезинформация. Они и есть та реальная среда, которая пестует наших детей. Борьба с ложью должна стать для нас столь же непримиримой, как и борьба с половой распущенностью (но, знай, воин, эта гидра не о трех, а о трехстах головах).

Среда – рассеянное, не направленное поле воздействия, мы ее и не замечаем, но впитываем ее и принадлежим ей, если не защищаемся от нее.

Какова же защита? И есть ли она?

Есть! Прежде всего, **самостояние**: смотри, слушай, думай сам! Не перекладывай на другого труды и мысли, предложенные тебе. Не предавай себя, не исчезай как личность, не стремись к удобной стадности!

И здесь у Церкви есть богатый опыт – жизни святых, которые расцвели как многочисленные благоуханные цветы в саду Божиим.

Разные они проходили поприща, свершаясь как личности - и тем выполнили свое назначение.

Нельзя не вспомнить здесь трудов монахов Троице Сергиевой лавры в трудные для России годы польского нашествия. Приведем здесь выдержку из «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьева.

«Когда Москва была разорена, и козаки, сапежинцы, свирепствовали в окрестностных областях, толпы беглецов с разных сторон устремились к Троицкому монастырю, и страшно было смотреть на них; одни были изломаны, обожжены, у других ремни из хребтов вырезаны, волосы с головы содраны, руки и ноги обсечены, многие приходили в монастырь, для того только, чтобы исповедаться, приобщиться и умереть; многие не успевали достигнуть монастыря, умирали по дороге; монастырь, слободы окрестные деревни и дороги наполнены были мертвыми и умирающими. Дионисий¹ призвал келаря², казначея, всю братию, слуг и крестьян монастырских и начал им говорить, что во время такой беды надобно изо всех сил помогать людям, которые ищут приюта у святого Сергия. Ему отвечали единодушно: «Кто, государь архимандрит, в такой беде с разумом сберется? Никому невозможно стало промышлять, кроме единого Бога». Дионисий заплакал и начал опять говорить им: «Ведь это искушение нам от Господа Бога, от большой осады нас Господь избавил; а теперь за леность нашу и за скупость может нас и без осады смирить и оскорбить». «Что же нам делать?» - спросили келарь, братия и слуги. Дионисий отвечал: «Дом Святой Троицы не запустеет, если станем молиться Богу, чтобы дал нам разум: только положим на том, чтоб всякий про-

¹ Архимандрит Дионисий, бывший прежде в Старицком монастыре, был переведен в Троицкий Сергиев монастырь. (С.М.Соловьев с.638).

² Келарем в это время был Авраамий Палицын . (Там же).

мышлял, чем может»³. Слуги и крестьяне посоветовались между собой и сказали архимандриту с братиею: «Если вы, государи, будете из монастырской казны давать бедным на корм, одежду, лечение и работникам, кто возьмется стряпать, служить, лечить, собирать и погребать, то мы за головы свои и за животы не стоим». И вот пошел промысл всем бедным, живым и умирающим, в монастыре и кругом монастыря. Прежде всего, начали строить дома, больницы для раненых, избы на странноприимство всякого чина людям, прибегающим из Москвы и других городов, особые избы мужчинам, особые женщинам, и в Служней слободе и в селе Клементьеве; монастырские люди ездили по селам и дорогам, подбирали раненых и мертвых; женщины, которым монастырь дал приют и содержание, беспрестанно шили и мыли рубашки живым, саваны мертвым. А внутри монастыря, в келье архимандричьей, сидели *писцы борзые*, из которых отличался Алексей Тихонов, собирали они учительные слова их Божественных писаний, составляли увещательные послания и рассылали по городам и полкам, призывая к очищению земли».⁴

И через два абзаца еще вот какое замечание:

«Народ был готов встать как один человек; непрерывный ряд смут и бедствий не сокрушил могучих сил юного народа, но очистил общество, привел его к сознанию необходимости пожертвовать всем для спасения веры угрожаемой врагами внешними и наряда государственного, которому грозили враги внутренние, воры. Явились признаки сознания о необходимости нравственного очищения жителей для подвига очищения земли от врагов, признаки

³ Слово «промышлял» изменило свое значение. Раньше оно означало «делал, работал», отсюда – промыслы и «промысл Божий».

⁴ Соловьев С.М. История государства Российского с древнейших времн. М.:Мысль 1989, книга IV,с. 638-640.

того, что народ, не видя никакой внешней помощи, углубился во внутренний, духовный мир свой, чтоб оттуда извлечь средства спасения».⁵

Сегодня как никогда педагогу надо учить детей думать своей головой. Учить видеть, что происходит, сопоставлять факты, явления, учить понимать суть протекающих процессов.

Учить думать – это развивать и духовные возможности, это профилактика суеверий и увлечений магизмом. Православная школа сегодня непременно должна возложить на себя эту задачу. Ведь школа общеобразовательная так опустила «свою планку», так впала в частности и поверхностность, что сегодняшнее среднее образование больше путает, чем просвещает. Не забудем также, что способность понимать – это и способность **понимать молитву**.

⁵ Там же. С. 340.

А молитва действительно – меч. Меч, защищающий от разных напастей и врагов. Не надо бояться христианину слова «враг». Есть у нас враг, и внутренний, и внешний, и у каждого еще свой. Но есть один общий, который делает нашу общественную среду тотально ядовитой - это телевизор.

Телевидение как рупор государственных сил, русскому человеку отвергнуть трудно. «Ну что же они там совсем ничего не понимают!» - это максимум. А допустить, что понимают и преследуют определенную цель – для большинства все-таки невозможно. Доверие к правоте общественного вещания огромное, если не патологическое. «Ну, может быть, этот хаос, и разврат, и агрессивность, и реклама, и дезинформация, и ложь, и убийственная скорость - случайны или результат халатности, расслабленности?» Но ведь и эту модель нам предложил телевизор! Нет, не случаен ни подбор ведущих, ни тематика передач, ни их содержание. Тут надо отважиться на правду: телевизор сегодня - это оружие массового интеллектуального поражения. Можно сказать - управления, можно, направления, но в любом случае, речь идет о заданном образе мыслей, чувств, а часто, и действий.

Оружие это всесильное, так как в народе его оружием не считают, к нему привыкли, телевизор у нас не чужой среди своих. С ним живут, как с покладистым соседом-забулдыгой: болтает себе, и нам не скучно, надоел – переключим программу... И не замечаем, как этот психо-хирургический инструмент препарирует наше сознание, и дозируя и нужным образом освещая информацию – направляет наши чувства, мысли и незаметно встраивается в наш духовный обиход, формирует навыки рекламного, клипового мышления, даже не мышления, а манипуляции фактами, образами, словами в своих целях.

Молитва и телевизор не совместимы в одной жизни. Все знают, не смотри на зло, и не будешь с ним соединяться. Но кто исполняет?! То чувство комфорта, которое дает грамотно организованная праздная информация очень велико. Как отказаться от него? Чем заменить?

Свободой. Против этой телевизионной формы тотального порабощения человека Церковь должна восстать вся, всеми своими человеческими силами. Именно человеческими, чтобы были реальные делатели, чтобы было на чьи плечи класть ношу сочувствия, помощи, попечения, заботы. Возьмется ангел за другой конец бревна, если мы поднимем свой. Люди Церкви, пастыри, педагоги должны сами прежде утвердиться в отрицании ложных идеалов мира, в дерзновении самостояния, противления его притяжению, его хитрым уловкам и путам.

«Удержание очес», свобода от тяги зрелищ и развлечений, а они бывают и приятно-духовного содержания, свободу от этого ложного информационного голода дает только молитва, а не магический, захватывающий душу заговор и не душевный разговор «о божественном».

Надо признать, изуродованная общественная среда, разрушенное часто формальное образование, падение уровня культуры, открытая пропаганда шаманской «духовности» и, конечно же, пассивность и необразованность церковных учителей отбросило наш народ в языческую мистику. «Недремучего» вида молодые женщины вполне серьезно спрашивают: «А куда надо вонзать булавку, на которой был приколот крест в витрине магазина? Или его надо носить от сглаза вместе с крестом на цепочке, или в каком-то другом, строго определенном месте, но в каком?» И попытка объяснить, что это «чушь и дичь», сразу же делает вас их врагом. «А какой иконе свечку поставить для здоровья, знаете?» «Меня вот

крестили в детстве, а я хочу второй раз креститься, чтобы лучше было, ведь правильно?»

Духовное нечувствие торжествует. Утилитарный подход к Таинствам Церкви, ко Кресту, к святым мощам – страшно уродует наше церковное пространство. Оно превращается в потребительскую пошлую среду «удовлетворения духовных потребностей» людей, потребности, прежде всего, в собственном душевном комфорте.

Мы являемся свидетелями, как церковное предание сегодня «выходит из берегов», вбирая в себя множественные недогматические и неканонические предписания, распространяемые в церковной и околоцерковной среде как необходимые духовные действия. Люди, входящие в храм, усваивают раньше внешнюю форму церковного действия, чем его суть, причем часто совсем не доходят до его осмысления. Да и не поощряется все осмыслять в Церкви, скажут вам доброты.

И эта ложь закралась в нашу церковную среду, и от нее предстоит избавляться.

Прежде, чем преподать народу школу молитвы в ее подлинном виде, церковнослужителям и всем церковным людям надо самим вернуться на путь православной духовной, осмысленной молитвы. А путь этот и прост, и труден, как пеший крестный ход по морозу в день мученической кончины святого. Иди и иди в славе, держи молитву, вникай глубже в ее слова и не отвлекайся, не наполняй сердце ни праздным словом, ни встречным образом, удаляйся от суеты с каждым шагом – вперед и вверх. Тогда и становится понятно, что молитва есть реальный путь спасения, выхода из тупика жизни **к свету свободы**.

Богу важна наша свобода. Наверно, кому-то вспомнятся здесь слова из честной песни Шевчука «Господь нас уважает». Да, любовь Творца возвышает нас до свободы духа, чувства, мысли, поступка, свободы всецелой, но отягощенной бременем нашей раненой природы и ослабленной воли. Мир же сегодня предлагает нам цветистую **свободу выбора в малом и рабство в большом, в главном**, в творческом пути жизни и становлении воли.

Молитва же – открывает пути жизни. Уча молитвы, мы воспитываем свою душу, говорим себе, чего надо хотеть. Вот что делают слова молитвы! Первое их действие - педагогическое, просвещающее: нам открывается перспектива движения – куда стремиться. Святые отцы здесь - проводники нам, они уже прошли этим трудным покаянным и благодатным путем. И вот мы стоим у этих поистине золотых духовных врат.

Само действие молитвы – это наше движение по пути отцов, движение нашего духа. Но сразу же будет происходить и встреча нашего духа с другими душевными и телесными волями в нас.

Если в нас сильна воля плоти и душевного комфорта, слова молитвы будут встречать сопротивление, они будут отторгаться естественным, войдут в антагонизм с душой, и тогда «нам лучше», «будет больше нравиться», когда молитвенные выражения менее понятны, более поэтичны и мелодичны. Сознание тогда не обжигает правдой, не поднимает мысль и дух на борьбу с тленом душевного комфорта.

Славянский язык молитвы, если мы его не углубляем свои знания, может сыграть здесь роль красивого, богато одетого, но не знающего выучки воина. Полупонимания в молитве недостаточно! Чтобы сдвинуть себя с мертвой точки природного эгоизма, нужен рывок воли, энергия отрицания, ненависть к своему греху. И все это есть в святых словах молитвы. Если мы их понимаем, то, повторяя и повторяя, свидетельствуем свою решимость, исповедуем их и обретаем двойную силу для духовного движения. Наша, пусть и слабая воля поддерживается, сопрягается с волей святых, выраженной в словах молитвы, крепнет и обретает верное направление. Школа молитвы – это постоянное обновление перспективы нашего духовного движения и воспитание нашей воли.

Господь действует в нас, когда мы осмысленно просим, умоляем преобразить нас, и действительно согласны со словами молитвы. Сокровища святоотеческих молитв требуют от нас мысленного труда, вникания в содержание: чего просим? от чего отрекаемся? чем хотим поступиться?

Только когда ум будет знать слова, понимать их смысл, сердце сможет участвовать своей живой силой. О, теперь оно не уснувший у врат барского пира стражник, знающий, что с праздничного стола ему непременно подадут и пищи и питья, - нет, теперь сердце наше горнило творения: стооко, стоухо, пронзаемо точностью слова, его беспощадностью! Это уже не шоковая терапия,

это божественная хирургия веры, волевое отречения от греха – и движение, духовный шаг.

Если же мы не стремимся понять смысла молитв, то как бы застываем в начале духовного пути, душевная приятность и эстетические переживания усыпляют ум, совесть и оставляют нас праздными созерцателями, а не делателями на ниве Божией.

Если хотим усидеть на двух стульях и жалко нам отнять у себя сласти мира – «лучше», то есть приятней для нас полупонимание.

Но бывает и пуще. Некоторые считают, что молитва нужна для их душевного благополучия, комфортного состояния, хорошего настроения - и молятся с этим внутренним ожиданием. А возникает двоеволие и двоедушие: воля к благополучию сильна, осмысленна и органична, а вникание в слова молитвы трудно и требует самоотречения. Оно отойдет на второй план, и просвещающая, сила молитвы, ее воспитательное действие будет подавляться естественной волей к благополучию.

Учиться молиться – это учиться любить святость, сам путь святых, а «не в себя богатеть», не стяжать блага себе, пусть даже блага душевного покоя. Они здесь в нашем пожаре жизни невозможны и... преступны. Покой здесь может быть достигнут только равнодушием, эгоизмом, отстраненностью и защитой себя от чужих бед. Этот покой – благополучие пошлого мира. И его вполне можно совместить с «молитвой» как заговором от злых духов, от бед, от «нарушения моего покоя».

Заметим, в заговоре вообще нет просветительского элемента. Он не развивает сознание, душу, волю, человек остается тем, кем был и, наоборот замыкается от внешних пробуждений, которые все-таки посылает жизнь. Вот эта-то защита и есть смерть духовная. Человек остается в темноте своих множественных естест-

венных, а то и противоестественных воль и желаний - и растит их в страсти, ибо иной дороги они в этом мире не знают.

Молитва тогда оказывается поруганной. Ибо произнесена, употреблена она «в свое благополучие», благополучие плоти и душевного спокойствия. А заповедь Божия предостерегает нас - Не помяни имени Господа Бога твоего всуе. То есть Чти молитву, учись ей!

Как видим, сама жизнь и время подсказывают, что нужно делать. Сегодня нам всем необходимо **литургическое воспитание**. В Древней Руси, которую теперь мы называем Святой, оно заменило собой все наши законоучительные предметы и... породило сонм русских святых. Замечательное это дело – разбирать слова молитв, канонов, выписывать славянские словосочетания, уточняя их значения, делать пояснительные переводы... Открывается благоуханное и необъятное море церковной поэзии, которая как-то совершенно по-другому, не по-школьному усваивается сердцем. И с реальной жизнью эта литургическая поэзия соединена крепче чем, что бы то ни было. Душа на нее откликается лично, и знание, только что приобретенное, сразу же входит в духовный обиход – служит делу молитвы, углубляя ее.

Все, кто могут из церковных людей, сегодня должны, просто должны! разбирать с детьми и взрослыми структуру и сам текст богослужений. Вникать, внимать, открывать себе молитву и себя для нее.

Мы ведь действительно на краю языческой пропасти! Чтобы не сорваться в нее, в это духовное договорное потребительство, нам надо **заново войти в Церковь**. Войти, чтобы увидеть новую возможность нашего единения. Она есть! Весь благодатный строй церковного богослужения свидетельствует об этой возможности подлинного духовного единства. Надо учиться ему, учиться вос-

принимать живое пространство высшей, открытой для нас молитвенной жизни. Не будем мерить этой высоты своим «нравится или не нравится» или «как это мне?» - но станем уподоблять себя ей, оживлять свою душу в этой поистине животворной среде молитвы.

Нелегко нам будет вставать с колен! Есть сила в глубине народа, светится она в молодых. Но прежде надо нам **соединиться и стать в духе** - тогда только обретем крепость благой воли, тогда осознаем себя ответственными за нашу землю, за жизнь, сохраненную нам огненными скорбями русских святых – тогда и отринем опутавшую нас ложь.

Сурова Людмила Васильевна

«А ну-ка, матушка, встань с колен!»

(Церковная и общественная среда как формирующая личность сила)
Тезисы выступления на Рождественских чтениях 2009 г.

В оформлении работы использованы фотографии начального этапа росписей
храма Всех русских святых в г. Усть-Илимске, 2008 г.
Художники Виктор Звягинцев и Татьяна Малюкова.

Москва 2009 г.